

На правах рукописи

ЛАПШИН Владимир Анатольевич

ТВЕРЬ В XIII-XV ВЕКАХ

07.00.06 – археология

Автореферат

диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук

Санкт-Петербург

2011

Работа выполнена в Институте истории материальной культуры
Российской академии наук

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, член-корреспондент РАН

Гайдуков Петр Григорьевич

доктор исторических наук

Кочуркина Светлана Ивановна

доктор исторических наук, профессор

Свердлов Михаил Борисович

Ведущая организация Государственный Эрмитаж

Защита состоится «__» «_____» 2011 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 002.052.01 при Институте истории материальной культуры РАН по адресу С.-Петербург, Дворцовая набережная, 18.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории материальной культуры РАН.

Автореферат разослан «__» «_____» 2011 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
канд. ист. наук

П.Е. Нехорошев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Изучение процесса становления и развития средневекового города было и остается одним из важнейших направлений российской археологии. Традиционно наибольший интерес вызывают древнейшие русские города, возникшие в X-XI веках. Генезис «новых» городов формировавшихся в XIII-XIV веках изучен, как это ни парадоксально, гораздо хуже. Особое значение имеет изучение городов Северо-Восточной Руси: она является тем ядром, где складывалась великорусская народность, а города региона – политической, экономической и культурной основой формирования русской государственности.

Во второй половине XII – первой трети XIII века центром княжеской власти в Северо-Восточной Руси был Владимир. В результате монголо-татарского нашествия 1237-1240 гг. Владимир и другие старые города переживают длительный период упадка. Происходит отток населения на мало освоенные до этого окраинные территории. В XIV веке на смену Владимиру выдвигаются новые центры: Тверь, Москва и Нижний Новгород. Они были основаны во второй половине XII – начале XIII века, как небольшие приграничные крепости. В условиях экономического и политического кризиса центральной власти, вызванного монгольским завоеванием, князья новообразованных княжеств начинают борьбу за Владимирское великое княжение. Ярлык на Владимирское великое княжение, выдаваемый ханом Золотой Орды, давал право на сбор дани с княжеств Северо-Восточной Руси и Новгорода и на то, чтобы отвозить её в Орду напрямую, без посредников. Это давало великим князьям большие финансовые возможности и в значительной степени определяло экономическое развитие их столиц. После фактического закрепления ярлыка на Владимирское великое княжение за московскими князьями были образованы «региональные» великие княжения с центрами в Твери и Нижнем Новгороде. Они получили право на сбор ордынской дани со своих удельных княжеств и передачу её в Орду, минуя Москву. Борьба между Москвой и Тверью

за политическое лидерство – одна из наиболее драматичных страниц русской истории определивших пути дальнейшего развития страны.

Культурный облик Твери, одного из важнейших русских средневековых городских центров, по сей день недостаточно изучен. Это объясняется почти полным уничтожением тверских древностей, причиной чему стали события российской истории, начиная с разгромов Твери татарскими и московскими войсками в XIII–XV вв. и перевоза в 1486 г. тверских художественных ценностей в Москву и заканчивая разорениями тверских архитектурных памятников и музейных коллекций в 30–40-е гг. XX в.

Единственный на сегодняшний день источник новой информации о средневековом городе – его культурный слой. Профессиональные археологические раскопки ведутся в Твери относительно недавно. Тем не менее, в 90-е годы XX века она стала одним из наиболее активно исследуемых городов России. Огромный археологический материал требует обработки, осмысления и введения в научный оборот.

Цели и задачи исследования. Основная цель работы – исследование процесса становления и развития средневековой Твери, превращение периферийного городка в столицу великого княжения. В задачи работы входит: выяснение археологического контекста возникновения города на Верхней Волге; создание хронологической шкалы Твери XIII–XV вв. и сопоставление её с разработанными хронологиями, прежде всего Великого Новгорода; воссоздание основных черт материальной культуры средневекового города, выяснение его специфики. Хронологические рамки работы – XIII–XV вв. – определяются с одной стороны состоянием источников – наиболее информативный влажный слой датируется XIII – первой половиной XV в., с другой – тем, что это наиболее важный и наименее археологически изученный период в истории Твери и Тверского княжества. Решение общих вопросов хронологии и топографии Твери логически подводит к сравнению её с другими «молоды-

ми» великокняжескими столицами Северо-Восточной Руси – Москвой и Нижним Новгородом.

Источники. Работа основывается на археологических источниках с привлечением данных письменных источников, а также с использованием, применительно к археологическим объектам, методов естественных наук (дендро и радиоуглеродное датирование, спектральный анализ, металлография, остеологические и карпологические исследования). Культурный слой города неоднороден. Обширные посадки покрывает сухой, относительно тонкий слой, изобилующий поздними нарушениями. Наиболее информативный влажный слой, сохраняющий органику и позволяющий использовать метод дендродатирования, занимает сравнительно небольшую площадь. Это территория Тверского кремля в границах XIV в. и отдельные пятна слоя в прилегающих к кремлю частях Загородского и Затьмацкого посадов. Базовым для работы явился раскоп Тверской кремль-11, где в 1993–1997 гг. совместной экспедицией Института истории материальной культуры Российской академии наук и Тверского государственного объединённого музея были проведены под руководством автора широкомасштабные раскопки и впервые был раскрыт целый квартал средневековой Твери с сохранившимися следами улиц и дворов-усадеб. (В работе используется термин «усадьба» общепринятый в отечественной средневековой археологии. Он условен и соответствует «двору» средневековых письменных источников). Хорошая сохранность органики позволила взять большую серию образцов дерева, из которых 351 был датирован методом дендроанализа, что позволило выделить 11 средневековых строительных горизонтов. Благодаря этому стало возможным создать дробную хронологическую шкалу находок, которую можно считать эталонной для Твери. Приложение её к материалам других раскопок, в том числе с сухим слоем, позволило по-новому взглянуть на хронологию и топографию города в целом, пересмотрев ряд устоявшихся представлений.

Методика исследования основывается на комплексном подходе к анализу источников. Проведена серия независимых исследований, результаты которых затем синтезировались. Например, хронология является результатом сопоставления дендродат, радиоуглеродного датирования и летописных дат пожаров. При этом особое внимание обращалось на несовпадение результатов различных методов датирования, что позволило лучше понять специфику каждого из них. Комплексы находок и различных естественнонаучных анализов и определений позволили не только наметить хронологические изменения материальной культуры города, но и выявить специфику комплексов отдельных городских дворов-усадеб, приблизиться к их социальной характеристике.

Новизна диссертации определяется введением в научный оборот новых материалов археологического исследования, проведенного под руководством автора. Материалы раскопа Тверской кремль-11 послужили основной базой для создания абсолютной дендрохронологической шкалы Твери. Датирование с помощью дендроанализа широко применяется в археологии, однако методически не всегда правильно. Так распространено датирование по единичной дендродате, что приводит к грубым ошибкам. Для Твери применен единый принцип датирования по периодам в рамках строительного горизонта. Датировка горизонта включает: младшие порубочные даты входящих в него комплексов построек, составляющие в сумме период строительства горизонта, и дату наиболее раннего из комплексов вышележащего горизонта как предел существования комплекса построек рассматриваемого горизонта. Последняя дата в определенной мере условна, так как указывает время заготовки леса, а не строительства, поэтому она не всегда совпадает с летописной датой пожара: расхождения составляют от 1 до 5 лет, что представляется допустимой погрешностью [Лапшин, 2008]. Все находки стратиграфически привязаны к комплексам датированных построек. В результате выявлена хронологическая специфика (некоторое омолаживание верхних дат рас-

пространения типов находок) Твери относительно шкалы Великого Новгорода [Лапшин, 2005; 2009]. Шкала Тверского кремля, основанная на дендрода-тах, может служить основой хронологии как для посадов Твери с сухим сло-ем, так и для других городов Северо-Восточной Руси [Лапшин, 2011].

Актуальность темы исследования. Диссертация посвящена важней-шему периоду становления Русского государства. До недавнего времени пе-риод монгольского завоевания оставался в отечественной археологии «тём-ным временем», между двумя яркими эпохами – древнерусской X-XIII вв. и московской XVI-XVII вв. и воспринимался как период полного экономиче-ского и культурного упадка. Исключение составляли только северные города, не затронутые монгольским нашествием – прежде всего Новгород и Псков. Полевые исследования последних лет, проводящиеся в городах Северо-Вос-точной Руси, позволяют в целом ряде случаев говорить о континуитете до-монгольской городской жизни [Лапшин, 2011]. В особенности это относится к малым городам на окраинах княжеств, в которые наблюдается приток насе-ления из центральных, наиболее пострадавших от завоевания областей. В ре-зультате в малозаселённых в домонгольское время регионах возникают но-вые княжества, которые начинают претендовать на политическое лидерство. Процесс превращения малозначительного городка в столичный центр мало изучен. В меньшей степени это относится к Москве, внимание к ранней исто-рии которой привлекалось, благодаря её высокому статусу в период Мо-сковского государства. В гораздо большей степени – к Твери, остававшейся долгое время в исторической тени. Заполнить, хотя бы отчасти, лауну в на-ших исторических знаниях и призвана данная работа.

Практическое значение работы. Результаты диссертации, конкрети-зирующие представление о возникновении и формировании русского средне-векового города, могут быть использованы для написания обобщающих тру-дов по археологии и истории русского средневековья. Для археологов, прово-дящих полевые исследования, работа имеет ценность в качестве практиче-

ского пособия по хронологии и материальной культуре городов Северо-Восточной Руси. Материалы, полученные автором во время раскопок в Твери, пополнили фонды Тверского государственного объединённого музея, а также легли в основу экспозиции, посвящённой археологии средневековой Твери.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации представлены в монографии 2009 г., 11 статьях в рецензируемых изданиях, 34 статьях в других изданиях, в 17 тезисах и информациях о раскопках. Разделы работы неоднократно обсуждались на заседаниях отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН, конференциях в Санкт-Петербурге, Твери, Новгороде.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, 7 глав и заключения. К тексту прилагается список использованной литературы и архивных источников, а также иллюстративный материал: карты, таблицы с чертежами, рисунки, фотографии вещей и мест раскопок, дополняющие информацию по рассматриваемой теме.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается общая характеристика исторической ситуации сложившейся в Северо-Восточной Руси в XIII-XV вв. Формулируются цели и задачи работы, её актуальность. Отмечается, что накопленный в последнее время новый археологический материал позволяет переосмыслить некоторые устоявшиеся взгляды на вопросы генезиса, формирования, хронологии и топографии средневековой Твери.

Глава I. Исторический контекст возникновения и роста Твери.

Общая динамика роста городов Северо-Восточной Руси и их развитие в X – начале XIII в. В главе характеризуется историческая ситуация сложившаяся в Северо-Восточной Руси в домонгольское время. Вводятся некоторые территориальные ограничения. Вслед за историками (В.А. Кучкин) мы понимаем под термином «Северо-Восточная Русь» для рассматриваемого времени

(XIII–XV вв.) территорию с ядром в Волго-Окском междуречье, которой владела одна определённая династия древнерусских князей – потомки Юрия Долгорукого. Первичное заселение Северо-Востока древнерусским населением происходило с Северо-Запада, с территории Новгородской земли. Древнейшие археологические комплексы датируются в Ярославском Поволжье – последней третью IX в., в Суздальском ополье – второй четвертью – серединой X в., в районе Белоозера – X в. С XII в. начинается поток переселенцев с юга, из Поднепровья. В главе дается краткий исторический очерк возникновения городов Северо-Восточной Руси. К началу XIII в. окончательно складывается система расселения и государственная территория Ростово-Суздальской земли, основой которых была система городских центров – в местах концентрации сельского населения, по основным водным путям и на границах [Лапшин, 2002]. Тверь как поселение, поставленное на Волге напротив устья реки Тверцы, по которой проходил путь на Новгород, впервые бесспорно фигурирует в летописях при описании событий 1215-1216 гг.

Переломный XIII век. Поход Батыя зимой – весной 1238 г. привёл к захвату и разрушению наиболее значительных северо-восточных городов. Вторичному разрушению подверглось в 1252, 1281 и 1293 гг. прежде всего наиболее густо заселённое ядро земли и находящиеся в нём Владимир, Суздаль, Юрьев и Переяславль. В XIII веке произошли глубокие изменения в культуре Древней Руси. В середине – второй половине столетия наблюдается упадок или стагнация развития городов, угасли многие ремесла и производства, прежде всего требующие высокой квалификации и предназначенные для элиты общества. В целом обеднел материальный мир повседневных вещей, произошёл отказ от традиционного женского убора, курганного обряда и т.д. Радикально изменилась система расселения. Несомненно, многие изменения явились результатом Батыева нашествия, разрушения городов и сёл, угона их жителей в плен (особенно ремесленников), оттока спасшегося населения на окраины земли, в залесённые и слабо заселённые до этого районы. Но в ходе

исследований последних лет всё более становится ясным, что причины радикальных изменений, произошедших в XIII в. гораздо более многочисленны и разнообразны. На изменения расселения, помимо военной опасности, влияло похолодание и увлажнение климата, стимулировавшие освоение водоразделов, что в свою очередь вело к дисперсному расселению. Необходимо учитывать последствия для экономического развития дробления княжеств. Политические границы служили серьёзными барьерами даже между соседними городами. Во второй половине XIII в. каждое из княжеств Северо-Восточной Руси имело в своём составе всего от одного до трёх городов.

Возникновение великих княжений по письменным источникам. Впервые титуловать владимирского князя «великим» стали применительно к Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо (1177-1212). Однако заключенная в этом титуле претензия на общерусскую гегемонию князьями других ветвей не признавалась – в южнорусском летописании преемники Всеволода называются «великими князьями» с добавлением ограничительного эпитета «суздальский». После гибели великого князя владимирского Юрия Всеволодовича в битве на р. Сить его брат Ярослав, княживший в это время в Киеве, сел во Владимире на столе после ухода Батые в 1238 г. В 1243 г. Ярослав Всеволодович поехал в ставку Батые, где был пожалован великим княжением: «буди ты старей всем князем в Русском языке». Русь, согласно ярлыку, теряла право на независимую внешнюю политику и должна была регулярно ежегодно дважды (весной и осенью) выплачивать ханам дань. Размер дани определялся исключительно устно – при личном свидании князя с ханом. В 50-х гг. XIII в. для упорядочивания сбора дани была произведена перепись населения во всех областях монгольской империи, в том числе в 1257 г. в Северо-Восточной Руси, а в 1258/1259 г. – в Новгородской земле.

В 70-е гг. XIII в., при двоюродных братьях Данииле Московском и Святославе Тверском, на западной окраине Северо-Восточной Руси одновременно выделяются два новых политических центра – Москва и Тверь. В первой

четверти XIV в. княжества настолько окрепли, что Михаил Ярославич Тверской и Юрий Данилович Московский вступили в борьбу за ярлык на великое княжение. В результате восстания против Чолхана, стихийно вспыхнувшего в Твери 15 августа 1327 г., и последовавшего за ним карательного татарского похода с участием Ивана Даниловича Московского и Александра Васильевича Суздальского, Тверь выбыла из числа конкурентов в борьбе за Владимирское великое княжение. С 1328 г. ярлык на великое княжение, как правило (за исключением коротких эпизодов), получали московские князья. Во второй духовной грамоте (1389 г.) Дмитрий Донской закрепил великое княжение за своими потомками как «отчину».

Время появления великого княжения в Твери дискуссионно (разброс мнений историков составляет несколько десятилетий – от 30-х до 80-х гг. XIV в.). Но если учесть совпадение во времени первых известий об образовании «местных» великих княжений в Твери (1338/39 г.) и Нижнем Новгороде (1341 г.), то следует признать, что за ними, видимо, стоит целенаправленная политика хана Узбека, целью которой было «приводить силы князей в равновесие» (А.Н. Насонов), недопущение концентрации всех даней в одних руках московского князя.

Глава II. Возможности археологических источников.

История археологического изучения Твери. Предлагается периодизация археологического изучения территории Твери: сборы случайно сделанных археологических находок, систематически проводившиеся после основания Тверского музея (1872–1917); первые спасательные раскопки, носившие мало профессиональный характер (1934–1937 гг.); полноценно документированные археологические раскопки (с 1979 г. до настоящего времени). Отдельно разобраны исследования топографии средневековой Твери, сделанные по письменным источникам [Лапшин, 2001]. Приводится полная библиография.

Археологический контекст Твери. Города с прилегающими к ним округами являются основными структурными элементами страны и государства.

Когда летопись сообщает, что князь получил в удел тот или иной город, подразумевается «город с округой» как неделимое экономическое и политическое целое. Сложнее обстояло дело со столичными городами, которые могли находиться в совместном владении княжеского дома, как Москва в XIV в., или быть разделёнными между князьями на «стороны» как Ростов. Тверь передавалась по наследству старшему сыну, т. е. являлась уделом тверского великого князя. По-видимому, наиболее адекватна сельской округе Твери территория удела великого князя Дмитрия Михайловича, в границах реконструированных В.А. Кучкиным. Эти границы коррелируют с археологической картой региона. Судя по распространению длинных курганов и сопок, территория будущей округи Твери осваивается пришедшим с Северо-Запада населением уже в конце I тыс. н.э. Археологические памятники концентрируются к западу и юго-западу от Твери по течению Волги, Тьмы и Тьмаки, в зоне наиболее плодородных в регионе дерново-подзолистых почв. В целом преемственность зоны наибольшего сельскохозяйственного освоения территории сохраняется как в XI-XIII, так и в XIV-XVII вв. Восточная и северо-восточная части удела, заболоченные и залесённые, оставались, по-видимому, зоной промысловых угодий. В целом Тверской, как и другие первые уделы Тверского княжества, представлял собой компактную территорию, примыкавшую к Волге. Границы округи Твери в наиболее населённой западной части отстояли от города на расстояние от 28 до 50 км. Необычность расположения Твери заключается в том, что столица находилась всего в 28 км от границы княжества (с Новгородской республикой у с. Медное на Тверце) [Лапшин, 2009, с. 32-35].

Общая характеристика городского «влажного» и «сухого» культурного слоя Твери. В русских средневековых городах лесной зоны известен культурный слой двух типов: «влажный (мокрый)» и «сухой». В Твери представлены оба типа антропогенных отложений. Влажный слой занимает сравнительно небольшую площадь. Это территория кремля в границах XIV в. (за

вычетом его центральной части, которую в древности занимала песчаная возвышенность) и отдельные пятна слоя в прилегающих к кремлю частях Загородского и Затьмацкого посадов. Сухой слой занимает центральную часть кремля и территорию посадов. Влажный слой образуется там, где его подстилают водонепроницаемые слои, исключающие естественный дренаж осадков. Культурный слой, насыщенный влагой, препятствует жизнедеятельности гнилостных бактерий и консервирует органические осадки – дерево, бересту, кожу, ткани. Кроме того, во влажном слое меньше окисляются и лучше сохраняются металлические изделия. Необходимым компонентом влажного слоя является навоз.

На территории раскопа Тверской кремль-11 толщина влажного слоя составляет около 2 м. Он неоднороден по своим консервирующим качествам. В тонких предматериковых отложениях органика сохраняется плохо, преимущественно на пониженных участках с повышенной влажностью. В верхней части влажного слоя, на границе с сухим слоем из-за аэрации число органических находок сокращается, а древесина часто превращается в тлен. Наиболее сохранны сооружения и находки, находящиеся в толще насыщенного влагой и навозом слоя.

Физико-химические свойства культурных напластований двух типов влияли на характер отложения строительных остатков и находок. Сохранность органических остатков во влажном слое влияла на быстрое увеличение его мощности. Повышенная влажность не позволяла сооружать глубокие фундаменты, погреба, подпольные ямы, что предохраняло нижележащие слои от перекопов. Наряду со скачкообразным ростом культурного слоя (строительство, ремонт, пожар, производственные и хозяйственные выбросы), происходило его постепенное нарастание за счёт постоянных подсыпок из щепы во дворах усадеб. Перекопы в слое насыщенном щепой зачастую не прослеживаются. Но всё же находки во влажном слое перемещались в большей степени по горизонтали, чем по вертикали. Это подтверждает ана-

лиз данных о взаимном расположении в культурном слое раскопа в Тверском кремле фрагментов находок, которые удалось при реставрации склеить. Максимальный разброс фрагментов по горизонтали составляет 41 м, а по вертикали – 35 см. Для сухого слоя характерны значительные нарушения культурного слоя. Он постоянно перекапывался хозяйственными ямами, котлованами жилищ и т.п. Разновременные ямы накладывались одна на другую. Находки могли быть переотложены несколько раз. Характерны их значительные перемещения по вертикали. Поэтому размещение находок во влажном слое относительно выделенных строительных горизонтов имеет значение эталонных.

Методика раскопок и фиксации. Разборка культурного слоя велась по условным пластам с фиксацией каждого пласта по его верхней границе. Три линии квадратов были сохранены как стратиграфические бровки и разбирались по слоям, зафиксированным при зачистке их стенок. По результатам дендродатирования выделены строительные горизонты, с которыми соотнесены все находки. Использована методика фиксации стратиграфии в настоящее время общепринятая археологами Северной Европы (так называемая «матрица Харриса»). В результате удалось функционально объяснить образование почти всех слоев: нивелировочная подсыпка под сруб, отложения времени существования постройки, следы пожара, развал печи и т. д. Следующим шагом было соотнесение условных пластов с реальными строительными горизонтами. Для этого были использованы профили стенок раскопов, стратиграфия бровок и разрезы срубов. Выяснились особенности отложения слоёв и находок. Опорными стали комплексы построек. Как следует из разрезов, заполнение срубов со временем часто проседало в виде линз в нижележащий слой. Находки концентрировались вокруг срубов на расстоянии до 2 м от первого венца и частично оказывались ниже его основания. С другой стороны, если сгоревшие остатки построек не мешали новому строительству, их не разравнивали и нижний венец и основание печки долгое время оставались

на территории усадьбы в виде всхолмления. В этом случае остатки построек вышележащего горизонта оказывались в одном пласте с нижележащим и при полевой фиксации первоначально воспринимались как одновременные. В целом картина получилась далёкой от привязки «строго по нивелиру». Исходя из суммы стратиграфических наблюдений, была составлена таблица для привязки находок, зафиксированных по квадратам и условным пластам, к строительным горизонтам, что повысило точность датировок [Лапшин, 2008].

Возможности междисциплинарных исследований. Уникальная сохранность культурного слоя (в том числе органических остатков) потребовала проведения целого ряда исследований, для чего были привлечены специалисты из Санкт-Петербурга, Москвы и Твери. На раскопе брались пробы и образцы, а затем проводились их специальные исследования (дендродатирование, радиоуглеродное датирование, спектральный анализ, металлография, остеология). Экспедиция пользовалась консультациями палеографов, иконографов, сфрагистов. Итогам работы посвящен сборник под редакцией автора, в котором опубликовали результаты междисциплинарных исследований [Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение, 2001].

Глава III. Археологическая хронология Твери.

Дендрошкала Твери. Строительные горизонты раскопа Тверской кремль-11. Первый опыт дендрохронологического изучения древесины из культурного слоя Твери был предпринят Н.В. Жилиной по материалам её раскопок в Тверском кремле в 1979-1984 гг. По материалам раскопа 1985 г. в юго-восточной части кремля Н.Б. Черных выделила 7 строительных горизонтов в рамках конца XIII – начала XV в. В 1990-е гг. в связи с массовыми сборами дендрообразцов в раскопах в Тверском кремле Н.Б. Черных приступила к созданию абсолютной дендрохронологической шкалы Твери. В настоящее время протяжённость Тверской дендрошкалы составляет 850 лет – с 1064 по 1914 г. Основой средневековой части шкалы послужили материалы раскопа Тверской кремль-11. На раскопе были взяты 646 образцов дерева,

для 351 удалось получить дендродаты. Средневековая часть образцов датируется в интервале 1271–1439 гг. Дарированы 53 сооружения (срубы, мостовые, настилы, частоколы, колодцы). На основе дендродат, стратиграфических и планиграфических наблюдений выделены 11 средневековых строительных горизонтов с несколькими дворами-усадьбами в каждом из них, а также горизонт поздних сооружений XVII — начала XX в. [Лапшин, 2001]

Хронология Твери как результат сопоставления данных радиоуглеродного анализа и дендрохронологии. Получены радиоуглеродные даты 28 образцов угля. Они объединены в 6 групп по строительным горизонтам и комплексам построек, после чего проведен суммарный анализ датировок. Сопоставление суммарных датировок с дендродатами тех же комплексов показало, что радиоуглеродные даты всегда оказываются старше порубочных. В исследовании разбираются причины расхождений и обосновывается их объективный характер. Делается принципиально важный вывод, что разница между радиоуглеродными и дендродатами, хотя и может варьироваться в зависимости от ряда факторов, но всегда присутствует, и ориентироваться при переходе от радиоуглеродных к абсолютным датам следует на верхнюю границу календарного интервала.

Летописные пожары. Сопоставляются дендродаты строительных горизонтов с датами летописных пожаров. В раскопе не зафиксированы некоторые пожары, носившие локальный характер, с другой стороны в летописи не отразились пожары и перестройки отдельных дворов-усадб. Пожары около 1334, 1385 и 1433 гг. приходятся на лакуны в тверском летописании. В целом расхождения в датировках между летописными пожарами и дендродатами строительных горизонтов составляет 1-5 лет и объясняется, тем, что дендронализ дает дату заготовки леса, а не строительства. Погрешность представляется приемлемой и подтверждает объективность хронологических границ выделенных строительных горизонтов [Лапшин, 2008].

Вещевая хронология. Хронологическая шкала Новгорода и проблемы хронологии средневековой Твери. В работе дается описание всех категорий находок и их абсолютные даты в соответствии со строительными горизонтами. Ставится вопрос об определении периода бытования вещей от времени изготовления до выпадения в культурный слой. Для этого сопоставляются палеографические и дендродаты предметов с надписями. Так бронзовый энколпион попал в землю не ранее чем через 160 лет после изготовления. Продолжительность хранения грамоты с печатью новгородского архиепископа Василия Калики составляла от 70 до 90 лет. Берестяные грамоты попадали в слой непосредственно после прочтения.

Полученные результаты сопоставляются с наиболее хорошо разработанной в российской археологии вещевой хронологией Новгорода. При привязке находок к узким хронологическим периодам выявляется значительная специфика столицы одного из великих княжений Северо-Восточной Руси. Это молодой центр, в котором городская культура формируется весьма неравномерно. Мода на стеклянные браслеты, при несомненных тесных и разнообразных связях с Новгородом, достигает своего пика в первой трети XIV в., с опозданием относительно Новгорода на столетие. Очень долго, вплоть до 1327 г., продолжают бытовать деревенские украшения «курганного типа», которые археологи традиционно относят к домонгольскому времени. Кузнечное дело, производство оружия и орудий труда, напротив, полностью соответствует передовым технологическим схемам, хотя динамика их смены происходит замедленно, что представляется результатом постоянного негативного воздействия золотоордынского ига, чувствовавшимся здесь гораздо более непосредственно, чем в Новгородской земле [Лапшин, 2009].

Глава IV. Ремесло, сельское хозяйство и промыслы.

Технология ремесла. Локализация ремесленных мастерских. Анализируются результаты металлографического исследования 183 орудий (преимущественно ножей); 165 из которых имеют дендродаты. Выделены 8 техноло-

гических схем. Прогрессивные для этого времени сварные технологии составляют 57,5%, архаичные — 42,5%. Сделан вывод о том, что тверское кузнечное ремесло развивалось в традициях Северной Руси. Вместе с тем обращает внимание отсутствие динамики в количественном соотношении технологических схем с конца XIII до первой трети XV в. Выделяются горизонты 6 и 7, в которых процент сварных технологий выше. Можно предположить, что это связано с профессиональными занятиями жителей конкретных городских дворов-усадеб. По отходам производства локализованы бронзолитейные, костерезные и кожевенные мастерские. Они территориально не выделены из жилой застройки [Лапшин, 2009, с. 144-151].

Остеологические материалы. Приводятся данные определения до вида 38715 костей млекопитающих. По соотношению основных видов домашних животных тверская коллекция наиболее близка материалам Москвы XIV–XV вв. Своеобразие Твери проявляется в том, что доля диких животных в мясном рационе жителей была весьма велика и сопоставима с данными по более ранним, домонгольским слоям Рязани и Старой Ладogi. Концентрация костей согласуется с топографией усадеб и помогает выявить их специфику. Анализируются результаты определения 350 костных остатков рыб. Встречено 11 видов рыб. Основу промысла составляли осетрообразные, среди которых преобладала белуга и севрюга. Вероятен профессиональный промысел не только на Верхней, но и на Нижней Волге (осетровые), а также на озерах (сиг, щука) [Лапшин, 2009, с. 151-155].

Культурные растения и сорняки. Анализируется состав 135 зерновых находок. В них содержатся зерна тех же сельскохозяйственных культур, что и в значительном числе памятников таежно-лесной зоны. Наиболее часто встречающейся культурой является озимая рожь, ее зерна составляют более половины всего найденного материала. Соотношения встречаемости культур и количества их зерен в тверских находках очень близки обобщенным материалам таежно-лесной зоны. Состав сорняков и количественная засоренность

рассматриваемых находок также близки обобщенным данным. На этом основании можно считать, что в округе Твери в период конца XIII – первой половины XV вв. была распространена паровая система земледелия, а также другие системы и их комбинации. Новые сведения дают тщательно собранные скопления семян сорняков. Их расположение и состав позволяют выявить назначение вскрытых построек и характер организации исследованной территории на протяжении значительного времени [Лапшин, 2009, с. 155-164].

Глава V. Основные направления внешних связей.

По археологическим материалам прослеживаются два направления внешних связей Твери в XIII-XV вв. – западное и восточное. Импорты из Западной Европы поступали в Тверь, как и в другие города Северо-Восточной Руси («Низовские земли») через Новгород. Импорты с Востока попадали в Тверь или непосредственно из Золотой Орды, или через неё, по контролируемому улусом Джучи Волжскому пути. Южный – Днепровский путь, игравший важнейшую роль в домонгольское время, потерял свое значение после 1240 г. В рассматриваемое время находки предметов южного происхождения свидетельствуют не о торговых связях, а о перемещении населения из разоренного монголами Среднего Поднепровья и о длительности переживания некоторых типов домонгольских вещей. Тверь выделяется наибольшим среди русских городов количеством золотоордынских импортов. Привязка к строительным горизонтам позволила конкретизировать динамику поступления восточной керамики в Тверь. Единичные фрагменты начинают оседать в культурном слое около 1300 г., их число возрастает в 6 горизонте (1333-1364 гг.) и достигает максимума в 3-4 горизонтах (1386-1419 гг.), после чего наблюдается резкий спад: на 1419-1443 гг. приходится более чем вдвое меньше фрагментов. Это в целом совпадает с наблюдениями, сделанными на общерусском материале: керамика золотоордынского Поволжья поступает в русские города в раннезолотоордынский период (середина XIII – середина

XIV в) в небольшом количестве, видимо, не по торговым каналам, в качестве личного имущества ордынцев [Лапшин, 2010].

Глава VI. Застройка XIII-XV вв.

Застройка Твери (как и многие другие черты материальной культуры) имеет много общего с Москвой XIII-XIV вв. и в целом непритязательна. Это небольшие однокамерные постройки, часто из тонкоствольного леса. Полы чаще всего укладывались прямо на землю. Нередко использовался пригодный материал от разобранных построек предыдущего периода. Неказистость построек станет понятнее, если вспомнить, что на 160 лет тверской истории, прослеженных в кремлевском раскопе, приходится 11 пожаров. Именно домостроительство наиболее ярко передает ощущение тревожной неустроенности жизни тверичей между набегами и пожарами.

Прослеженные изменения топографии застройки Тверского кремля сводятся к следующему: первоначально, на рубеже XII–XIII вв., заселяется край верхней береговой террасы Волги в северной части Тверского кремля; застройка в южной и восточной частях кремля возникает в конце XIII в.; границы дворов-усадеб оформляются на рубеже XIII и XIV вв.; весь XIV в. характеризуется частой сменой планировки, размеров и количества усадеб; на рубеже XIV–XV вв. происходит стабилизация застройки, выразившаяся в преобладании территории усадеб и появления мощения улиц.

Индивидуальные особенности дворов-усадеб. Распределение находок по территориям усадеб позволяет выявить их специфику. Для сопоставления выбраны несколько социально значимых категорий: следы мастерских, восточные и западные импорты, оружие, доспех и снаряжение коня, берестяные грамоты и предметы с надписями, а также костяные и вислые свинцовые печати, предметы из золота.

Прослеживается корреляция восточных и западных импортов, посуды из стекла русской рецептуры и оружия и амуниции воина-всадника. Бросается в глаза отсутствие корреляции между берестяными грамотами и другими

предметами с надписями. Наиболее полным набором социально значимых признаков обладают усадьбы 6-А и 5-А. Они выделяются и своими размерами и количеством построек (не менее 7 и 10 соответственно). Усадьба 6-А занимает территорию двух усадеб предшествующего времени – 7-А и 7-Б. Сменяющая её усадьба 5-А ещё более расширяется, занимая уже три усадебных участка. На территории этих двух усадеб был найден наиболее полный и многочисленный набор репрезентативных находок – импортов и оружия. На усадьбе 5-А, по сравнению с усадьбой 6-А появляются новые категории находок – костяные печати-матрицы, предметы с надписями и золотой энколпион. Костяные печати указывают на принадлежность усадьбы одному из высших чиновников великокняжеской администрации [Лапшин, 2010].

Глава VII. Общие вопросы хронологии и топографии Твери.

В главе обсуждаются спорные вопросы хронологии и топографии средневековой Твери. В настоящее время существуют несколько точек зрения на время возникновения Твери. А.Н. Хохлов считает, что Тверь уже «в 60-е годы XII века представляла собой быстро растущий, интенсивно набирающий силу город ... общая площадь города достигала в это время 60-70 га». П.Д. Малыгин полагает, что «XIII в. следует считать временем лишь формирования Твери как города». Общая картина сложения и развития территории Тверского кремля предложена в серии публикаций Н.В. Жилиной: она полагает, что древнейший культурный слой в Твери находится на мысу при впадении Тьмаки в Волгу и относится к концу XII в., а город растет от мысовой части на восток, занимая в первой трети XIII в. всю территорию кремля.

Определяя датировку нижнего слоя раскопа 1983-1984 гг. концом XII – началом XIII в. Н.В. Жилина исходила из того, пик полигона стеклянных браслетов должен приходиться, как в большинстве древнерусских городов, на первую треть XIII в. Основываясь на хронологии тверских древностей, разработанных нами на материалах раскопа Кремль-11, считаем возможным пересмотреть ряд устоявшихся положений [Лапшин, 2008; 2009]. В результа-

те исследования 2305 фрагментов стеклянных браслетов «привязаны» к строительным горизонтам с дендродатами. Как показано в данной работе материальная культура средневековой Твери обладает своеобразием: мода на стеклянные браслеты в Твери переживает пик в первой трети XIV в. и продолжает сохраняться на высоком уровне до 80-х годов, после чего браслеты выходят из употребления. Еще одним надежным хронологическим индикатором являются находки кашинной керамики. Она появляется в древнерусских городах в XIV в., количество нарастает в середине – второй половине XIV в., после чего происходит быстрый спад. Такая динамика полностью подтверждается на материале раскопа Кремль-11. Корреляция двух категорий находок – стеклянных браслетов и кашинной керамики – одинакова и в раскопе 1983-1984 гг. (Кремль-4) и в раскопе Кремль-11: кашинная керамика появляется тогда, когда количество стеклянных браслетов в слое достигает максимума, а пик распространения керамики совпадает с исчезновением браслетов. Остается предположить, что в дендроанализ раскопа Кремль-4, выполненный Н.В. Жилиной, вкралась ошибка, что вполне объяснимо: в начале 80-х гг. дендрощкала Твери еще не была разработана, количество определённых образцов было невелико, а преобладание в Твери молодого по возрасту дерева объективно затрудняет синхронизацию кривых роста годичных колец.

На основе имеющихся данных возникновение и рост Твери представляется нам следующим образом. Во второй половине XII в. на берегу Волги к западу и востоку от устья Тьмаки, по-видимому, находились сельские поселения. Культурный слой их не выявлен и, скорее всего, был уничтожен ещё в средневековье. Отдельные ранние находки не составляют комплексов. Датировка этих поселений более ранняя, чем XII в., маловероятна, т.к. на территории Загородского и Затьмацкого посадов найдено пока только по одной золотостеклянной бусине (они характерны для домонгольских поселений и курганных могильников тверской округи), а на территории Кремля такие находки не зафиксированы вообще.

Наиболее ранняя постройка на территории Твери имеет дендродату 1192 г. и расположена на краю верхней береговой террасы Волги, в северо-восточной части будущего кремля, максимально удалённой от его мысовой части. Застройка кремля не развивалась от мыса к периферии: первоначально была освоена узкая прибрежная полоса. В первой половине XIII в. строятся укрепления Кремля. По-видимому, их контуры изначально соответствовали валам, сохранившимся до начала XIX в. При строительстве укреплений максимально использовался естественный рельеф: в качестве основы для рва был использован овраг шедший от берега Волги на юг. Территория кремля южнее края береговой террасы, по-видимому, не была застроена. В конце XIII в. начинается формирование городской территории. В центре Кремля, на месте церкви Козьмы и Демьяна, в 1285 г. закладывается Спасо-Преображенский собор. Одновременно начинается застройка восточной и юго-восточной частей территории Тверского кремля. Развитие посадов происходит в первую очередь вдоль левого берега Волги и левого берега Тьмаки. Значительный рост территории посадов, по-видимому, происходит с конца XV в., когда кремль становится местом размещения московской администрации и гарнизона [Лапшин, 2008].

Заключение: Тверь – столица великого княжения

В результате комплексного исследования влажного слоя в Тверском кремле с использованием методов дендродатирования и радиоуглеродного датирования, в сопоставлении с данными письменных источников и стратиграфическими наблюдениями в данной работе разработана хронологическая шкала XIII-XV вв., которая имеет значение эталонной для средневековой Твери. Обоснована методика сопоставления дендрошкалы с летописными датами пожаров. Впервые поставлен вопрос о расхождении данных радиоуглеродного датирования и дендродат. Впервые предпринято определение периода бытования ряда вещей от времени изготовления до выпадения в культурный слой. Полученные результаты сопоставляются с наиболее хорошо разрабо-

танной в российской археологии вещевой хронологией Новгорода. При привязке находок к узким хронологическим периодам выявляется значительная специфика столицы одного из великих княжений Северо-Восточной Руси. Уникальная сохранность культурного слоя (в том числе органических остатков) сделала возможным проведение целого ряда исследований, (спектральный анализ, металлография, определение костных и растительных остатков и др.), которые позволили всесторонне охарактеризовать жизнь средневекового города. Реконструирован процесс сложения городской территории. По многим параметрам материальная культура средневековой Твери наиболее близка культуре Москвы XIII-XV вв.

В течение XIV в. в Северо-Восточной Руси сложились три политических центра: великое княжение Владимирское (номинально, а фактически – Московское) и «местные» великие княжения – Тверское и Нижегородское. Поэтому своеобразие формирования Твери как столицы великого княжения целесообразно охарактеризовать в сопоставлении с Москвой и Нижним Новгородом.

Превращение пограничного городка – Твери в столицу великого княжения является результатом длительного процесса градообразования, общие контуры которого прослежены в данной работе. Освоение территории кремля происходило не от мыса к напольной части, а от края верхней береговой террасы, которая была заселена в первую очередь. Укрепления строились без связи с существующей застройкой и первоначально включали большие пустые пространства, осваивавшиеся значительно позднее. Строительство укреплений с «запасом» говорит об изначальном желании князя основать столичный центр. Это справедливо не только для Твери, но также и для Москвы, и для Нижнего Новгорода [В.А. Лапшин, 2005].

Яркими археологическими признаками русского средневекового города являются усадебно-уличная планировка и элементы городского благоустройства, прежде всего, мостовые. В Тверском кремле большое количество ден-

дродат позволяет детально проследить оформление городской территории. Здесь границы усадеб оформляются на рубеже XIII и XIV вв., весь XIV в. характеризуется частой сменой планировки, размеров и количества усадеб. Только на рубеже XIV-XV вв. происходит стабилизация застройки, выразившаяся в преемственности территории усадеб и появлении мощения улиц. Близкая картина наблюдается на окраинах средневекового Новгорода, где появление мощения – показатель превращения дороги в улицу и включения территории в городскую застройку. При этом устойчивая усадебная застройка, в отличие от центральной части города, складывается в течение длительного периода.

При привязке находок к узким хронологическим периодам выявляется значительная специфика материальной культуры Твери. Это молодой центр, в котором городская культура формируется весьма неравномерно. Очень долго, вплоть до 1327 г., продолжают бытовать деревенские украшения «курганного типа». Мода на стеклянные браслеты достигает своего пика в первой трети XIV в., с опозданием на столетие относительно сложившихся в домонгольское время городских центров. Кузнечное дело, производство оружия и орудий труда, напротив, полностью соответствует передовым технологическим схемам, хотя динамика их смены происходит замедленно.

Социальная топография новых столиц находилась также в процессе длительного формирования. В центре Тверского кремля находился деревянный храм Козьмы и Демьяна – покровителей кузнецов. На его месте в 1285 г. был заложен главный храм Твери – Спасо-Преображенский собор, с чего и началось оформление столичного облика города. Наличие ремесленного квартала, в том числе кузниц, косвенно свидетельствует об отсутствии плотной застройки в кремле в ранний период. Характерно, что в северо-восточной части Московского кремля также продолжительное время существовал ремесленный квартал, в котором в середине – второй половине XIV в. также был

построен каменный храм в честь Козьмы и Демьяна. За пределы кремля ремесленники были вытеснены только в конце XV в.

Ряд «репрезентативных» признаков характеризует новые столицы не только и не столько с точки зрения их экономического положения, сколько с точки зрения «великокняжеского» самосознания. Среди них каменная архитектура (прежде всего культовая), великокняжеские летописные своды, литературные памятники. Начало чеканки собственной монеты – показатель смешанного характера, как экономический, так и репрезентативный.

Для того чтобы новые города приобрели столичный облик князьям потребовалось возродить ремёсла и культурные традиции, утраченные в результате нашествия 1237-1240 гг. Наиболее хрупкой представляется архитектурная традиция. Её сохранение и развитие в домонгольской Руси достигалось тем, что архитектурно-строительные артели постоянно получали княжеские заказы на строительство новых храмов. Переезды артели из одной земли в другую были связаны с переездом князя-заказчика или его династическими союзными отношениями. В начале XIII в., когда древнерусское строительное производство было наиболее интенсивным, количество артелей достигло семи, в том числе одна из них работала во Владимиро-Суздальской земле. Даже если артель пережила 1237-1238 гг., она не могла сохраниться при отсутствии заказов на строительство в течение пятидесяти лет: с окончания строительства Георгиевского собора в Юрьеве-Польском в 1234 г. до закладки Спасского собора в Твери в 1285 г. В эти годы велись только небольшие восстановительно-ремонтные работы. Кроме того, в Твери и Москве в домонгольское время каменное строительство ещё не велось. Не до конца ясно, как была сохранена преемственность (строительство Спасского собора в Твери связывается с приходом мастеров из Галича, а Успенский собор Отроча монастыря в Твери, по-видимому, был построен под влиянием зодчества Новгорода), но первые храмы, возведённые именно в новых столицах – Твери, Москве и Нижнем Новгороде продолжили традицию владимиросуздальской

белокаменной архитектуры. Строительство первых храмов повлекло за собой возрождение фресковой живописи и иконописи, ремесла ювелиров. При храмах начинали вести погодные записи, составлялись великокняжеские летописные своды. «Появление летописных сводов означало появление таких письменных исторических произведений, которые содержали опыт средневекового построения государства, народа или народов, опыт построения и истолкования исторического процесса, как его понимали современники» (А.Н. Насонов).

Тверь хронологически лидировала в своих столичных амбициях. Судя по сообщениям летописей, в 1285 г. в Тверском кремле закладывается первый на Северо-Востоке после монгольского нашествия каменный храм – Спаса Преображения. Начиная с 1285 г. в Лаврентьевской летописи появляются оригинальные тверские записи. В 1304 г. Михаил Ярославич Тверской получил у хана Тохты ярлык на великое княжение Владимирское. Спорным является вопрос о создании в Твери великокняжеского свода – около 1305 или 1327 г. По заказу Михаила Ярославича была переписана и украшена миниатюрами Хроника Георгия Амартола. На одной из миниатюр изображен сам Михаил и его мать Ксения, стоящие по бокам от Спаса на престоле. Портрет имеет индивидуальные черты, свидетельствующие о стремлении к портретному сходству. Таким образом, тверской князь был введен в контекст мировой истории «от сотворения мира». В летописной статье о закладке храма фигурирует епископ Симеон, впервые упомянутый в 1271/72 г. в связи с погребением в Твери великого князя Ярослава Ярославича, умершего на обратном пути из Орды. Появление при ней в Твери третьей в Северо-Восточной Руси епископской кафедры, наряду с Ростовской и Владимирской – явление неординарное. Погребение великого князя, вопреки традиции, в Твери, а не во Владимире, стало началом политической активности Твери.

В Москве каменное строительство началось в 1326 г., когда митрополит переехал из Владимира в Москву и когда был построен первый каменный

храм – Успенский собор. Возможно, в Москву в 1327 г. были вывезены строители-тверичи, так как в Твери строительство полностью прервалось, а в Москве после этого каменное строительство ведется уже непрерывно. Каменный кремль был построен в 1366-1367 гг. при Дмитрии Донском. Начало великокняжескому летописанию положил «свод 1340 г.».

Нижний Новгород стал столицей великого княжения в 1341 г. В 1350-1352 гг. князь Константин Васильевич строит каменную церковь Спаса на месте обветшавшего храма, заложенного в 1225 г. князем Георгием Всеволодовичем. В Спасском соборе при Константине Васильевиче началось ведение летописных записей. В 1365 г. князь Борис Константинович заложил каменный кремль. Создается Нижегородско-Суздальский «свод 1383 г.».

Иначе соотносится время начала чеканки собственной монеты. В Москве чеканка началась уже в 60-е г. XIV в., при Дмитрии Донском, когда право на Владимирское великое княжение окончательно закрепилось за московскими князьями. В Нижнем Новгороде чеканка монеты началась в 70-е г. XIV в. (до 1382 г.) при Дмитрии Константиновиче, а в Твери – только в первое десятилетие XV в., при князе Иване Михайловиче.

Таким образом, в процессе формирования трех столиц Северо-Восточной Руси – Твери, Москвы и Нижнего Новгорода – прослеживаются общие тенденции. Их оформление в центры, отвечающие всем признакам древнерусского города, продолжалось длительное время, в том числе и в период, когда они уже стали столицами великих княжений. Благоприятные условия для формирования столиц создавал сбор татарского «выхода». Социальный статус Московского кремля окончательно оформился в конце XV в., когда, одновременно с постройкой нового каменного кремля, он превратился в сакральную резиденцию великого князя. Что касается Твери и Нижнего Новгорода то, после поглощения Москвой Нижегородского великого княжества в конце XIV века и Тверского великого княжества в конце XV века, их столи-

цы пережили глубокий кризис, в полной мере преодоленный лишь к середине XVII века.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Монография

1. *Лапшин, В.А.* Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993-1997 гг.) — СПб.: Изд-во Филологического факультета Санкт-Петербургского Университета, 2009. — 534 с. (43,55 п.л.)

Статьи, опубликованные в изданиях, утверждённых ВАК

2. *Лапшин, В.А.* Археологический комплекс у с. Гнездилово под Сузда-лем // Краткие сообщения Института археологии АН СССР, 1989. — Вып. 195. — С. 66–71.

3. *Лапшин, В.А.* Спасательная археология в Швеции // Археологические Вести – № 3. — СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1994. — С. 228–230.

4. *Лапшин В.А.* Новейшие исследования культурного ландшафта в Швеции // Археологические Вести — № 4. — СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1995. — С. 259–263.

5. *Лапшин В.А.* Хронологическая шкала Новгорода и проблемы хронологии средневековой Твери // Вестн. Новгородского Ун-та. Серия «Гуманитарные науки». — Вып. 33. — Великий Новгород, 2005. — С. 31–37.

6. *Лапшин В.А.* Нижегородский кремль по материалам раскопок 2001/2002 г. // Вестн. Нижегородского Ун-та. Серия «История». — Вып. 1(4). — Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского Ун-та, 2005. — С. 89–95.

7. *Лапшин В.А.* Нижегородский кремль в XIII-XIV и XV веках /Н.Н. Грибов, В.А. Лапшин // Археологические Вести – № 15. — М.: Изд-во «Наука», 2008. — С. 141–156.

8. *Лапшин В.А.* Проблемы использования дендрохронологической шкалы Твери // Вестн. Тверского Ун-та. Серия История. — № 34 (94). — Тверь: Изд-во Тверского Ун-та, 2008. — С. 108–113.

9. *Лапшин В.А.* Проблемы хронологии средневековой Твери и хронологическая шкала Новгорода // Вестн. Тверского Ун-та. Серия История. — № 12. — Тверь: Изд-во Тверского Ун-та, 2009. — С. 65–78.

10. *Лапшин В.А.* Безрукий архангел. Тайны средневековой Твери // Родина. — 2010. — № 7. — С. 102–104.

11. *Лапшин В.А.* Внешние связи средневековой Твери // Вестн. Тверского Ун-та. Серия История. — № 24. Вып. 3. — Тверь: Изд-во Тверского Ун-та, 2010. — С. 33–46.

12. *Лапшин В.А.* Основные тенденции в археологическом изучении Северо-Восточной Руси на современном этапе / В.А. Лапшин, В.Н. Седых // Вестн. С.-Петерб. Ун-та. Серия 2 История. — Вып. 1. — СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2011. — С. 39–46.

Статьи

13. *Лапшин, В.А.* Ранняя дата Владимирских курганов /В.А. Лапшин // Краткие сообщения Института археологии АН СССР, 1981. — Вып. 166. — С. 45–48.

14. *Лапшин В.А.* К изучению системы расселения в округе Суздаля X–XIII вв. // Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда. — Л.: «Наука», 1983. — С. 33–34.

15. *Лапшин В.А.* Система расселения в центральном районе Ростово-Суздальской Руси X–XIII вв. и природный фактор // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. — М.: «Наука», 1985. — С. 101–104.

16. *Лапшин В.А.* Оценка деятельности А. С. Уварова в русской и советской археологической литературе (динамика критики) // Финно-угры и славяне (Проблемы историко-культурных контактов). — Сыктывкар, 1986. — С. 75–79.

17. *Лапшин В.А.* К структуре понятия «город» // Категории исторических наук. — Л.: «Наука», 1988. — С. 115–127.

18. *Лапшин В.А.* Раннесредневековый археологический комплекс у с. Васильково под Суздалем // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). — М.: «Наука», 1988. — С. 132–149.

19. *Лапшин В.А.* Язычество и христианство в Ростове XI в. // Православие в древней Руси. — Л., 1989. — С. 31–34.

20. *Лапшин В.А.* Славяно-финские контакты в зоне Суздальского ополья (состояние проблемы) // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. — Л., 1990. — С. 128–132.

21. *Лапшин В.А.* Лепная керамика поселений Суздальской округи (к вопросу о формировании древнерусского населения на территории Суздальского ополья) /В.А. Лапшин // Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья. Материалы I региональной научной конференции. — Горький, 1990. — С. 225–228.

22. *Лапшин В.А.* Этническая принадлежность верхнего слоя Мало-Давыдовского городища /В.А. Лапшин // Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья. Материалы II региональной научной конференции. — Нижний Новгород, 1991. — С. 367–373.

23. *Лапшин В.А.* Лепная керамика Гнездиловского поселения // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. — М., 1991. — С. 119–129.

24. *Лапшин В.А.* Лепная керамика Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. — М., 1991. — С. 130–139.

25. *Лапшин В.А.* Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. — М., 1992. — С. 90–102.

26. *Лапшин В.А.* К вопросу о длительности сосуществования лепной и круговой керамики на древнерусских памятниках Суздальского ополья // Городецкие чтения. — Городец, 1992. — С. 53–56.

27. *Лапшин В.А.* Быт эпохи Михаила Ярославича (об археологических находках на территории Тверского кремля) // Михаил Тверской: личность, эпоха, наследие. Материалы конференции. — Тверь, 1997. — С. 123–126.

28. *Лапшин В.А.* Новые находки берестяных грамот в Твери в 1996 г. /В. А. Лапшин, Т. В. Рождественская // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 11. — Новгород, 1997. — С. 304–310.

29. *Лапшин В.А.* Костяная печать-матрица из раскопок в Твери // Памятники старины. Концепции, открытия, версии. Том 1. — Спб.–Псков, 1997. — С. 400–401.

30. *Лапшин В.А.* Спасательные работы петербургских археологов на территории Ленинградской области /В.А. Лапшин, А.В. Субботин // Культурное наследие Российского государства. — СПб., 2000. — С. 64–71.

31. *Лапшин В.А.* История археологического изучения Тверского кремля и обзор источников // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. СПб.: Изд-во «Европейский дом». — 2001. — С. 7–20.

32. *Лапшин В.А.* Строительные горизонты раскопа Тверской Кремль-11 // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. СПб.: Изд-во «Европейский дом». — 2001. — С. 36–68.

33. *Лапшин В.А.* Результаты определения костных остатков млекопитающих из раскопок 1994–1997 г. в Тверском кремле /М.Е. Ланцева, В.А. Лапшин // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. СПб.: Изд-во «Европейский дом». — 2001. — С. 171–181.

34. *Лапшин В.А.* Вместо заключения (комментарий археолога) // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. — СПб.: Изд-во «Европейский дом». — 2001. — С. 221–225.

35. *Лапшин В.А.* Галереи или завалинки? // Архитектурно-археологический семинар. Материалы заседания памяти Ю.П. Спегальского. — СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа. — 2001. — С. 23–25.

36. *Лапшин В.А.* Археологические исследования в Тверском кремле в 1993–1997 гг. // Музей: память веков. Поиски и находки. Вып. 2. — Тверь: Изд-во «Лилия Принт». — 2001. — С. 10–23.

37. *Лапшин В.А.* Геральдический перстень из Твери /С.В. Белецкий, В.А. Лапшин // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 2. — Тверь, 2001. — С. 178–183.

38. *Лапшин В.А.* Археология Ленинградской области // Очерки археологии регионов. Кн. 1. — М., 2001. — С. 238–276.

39. *Лапшин В.А.* Борьба за охрану памятников археологии в России во второй половине XIX — начале XX в. /В.А. Лапшин // Культурное наследие Российского государства. Вып. 3. — СПб.: ИПК «Вести», 2002. — С. 79–86.

40. *Лапшин В.А.* Археологические свидетельства связей Твери с Новгородской землей в XIII–XIV вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. — СПб., 2002. — С. 59–62.

36. *Лапшин В.А.* Колонизация Северо-Восточной Руси в IX–XI вв. в свете новых археологических материалов /В.А. Лапшин // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. — СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2002. — С. 101–113.

41. *Лапшин В.А.* О появлении раннекруговой керамики в Северо-Восточной Руси /В.М. Горюнова, В.А. Лапшин // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сборник памяти И.В. Дубова. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского Университета, 2004. — С. 55–72.

42. *Лапшин В.А.* Города // Россия-Норвегия. Сквозь века и границы. Каталог выставки. — Осло-СПб., 2004. — С. 40–43.

43. *Лапшин В.А.* Формирование новых городов-столиц Северо-Восточной Руси в XIII–XV вв. // Труды по русской истории. Сборник статей в память о 60-летию И.В. Дубова. — М.: Издательский дом «Парад», 2007. — С. 316–333.

44. *Лапшин В.А.* Спорные вопросы хронологии и топографии средневековой Твери // Первый Петербургско-Тверской семинар «Тверской край в науке и культуре». — Тверь, 2009. — С. 47-77.

45. *Лапшин В.А.* Две усадьбы XIV в. в Тверском кремле // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 1. — М.: Ломоносовъ, 2010. — С. 432–444.

46. *Лапшин В.А.* Комплексы больших построек XIV века из Нижегородского кремля // Диалог культур и народов средневековой Европы. — СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2010. — С. 178–185.

Тезисы и информация о раскопках

47. *Лапшин В.А.* Открытие летописного Клещина /И.В. Дубов, В.А. Лапшин // Археологические открытия 1977 г. — М., 1978. — С. 60.

48. *Лапшин В.А.* Разведка в Суздальском районе // Археологические открытия 1979 г. — М., 1980. — С. 60.

49. *Лапшин В.А.* Исследования под Суздаlem // Археологические открытия 1980 г. — М., 1981. — С. 61.

50. *Лапшин В.А.* Раскопки селища Гнездилово-2 // Археологические открытия 1981 г. — М., 1982. — С. 68.

51. *Лапшин В.А.* Работы в Ленинградской области /В.А. Лапшин, Н.И. Платонова // Археологические открытия 1983 г. — М., 1985. — С. 18.

52. *Лапшин В.А.* Исследования в Суздале и его округе /М.В. Седова, М.А. Сабурова, В.А. Лапшин // Археологические открытия 1984 г. — М., 1986. — С. 70–71.

53. *Лапшин В.А.* Разведка в западных районах Ленинградской области /В.А. Лапшин, Н. И. Платонова // Археологические открытия 1985 г. — М., 1987. — С. 17–18.

54. *Лапшин В.А.* Селище Гнездилово-2 под Суздаlem // Археологические открытия 1985 г. — М., 1987. — С. 76–77.

55. *Лапшин В.А.* Начальный этап освоения Суздальского ополья древнерусским населением // Тезисы докладов всесоюзной конференции (Суздаль, 1987). — М., 1987. — С. 147–148.

56. *Лапшин В.А.* К вопросу о формировании округа древнерусского города (на примере памятников Суздальского ополья) // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.» Тезисы докладов. — Чернигов, 1988. — С. 93–94.

57. *Лапшин В.А.* О методике раскопок Владимирских курганов // Уваровские чтения, 1990. Тезисы докладов. — Муром, 1991. — С. 7–9.

58. *Лапшин В.А.* Археологическое изучение средневековой Твери: итоги и перспективы /В.А. Лапшин, И.Н. Черных // Изучение древних культур и цивилизаций. Материалы к пленуму ИИМК РАН 5-7 апреля 1994 г. — СПб., 1994. — С. 47–49.

59. *Лапшин В.А.* Раскопки в Тверском кремле // Археологические открытия 1995 г. — М., 1996. — С. 156.

60. *Лапшин В.А.* Раскопки в Тверском кремле // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. Материалы пленума ИИМК РАН 11–14 апреля 1995 г. — СПб., 1995. — С. 65–66.

61. *Лапшин В.А.* Раскопки в Тверском кремле /В.А. Лапшин, В.И. Кильдюшевский, А.В. Курбатов, О.М. Олейников, Н.Е. Персов, Т.А. Чукова // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации. Материалы пленума ИИМК РАН 14–17 мая 1996 г. — СПб., 1996. — С. 44–45.

62. *Лапшин В.А.* Раскопки в Тверском кремле /В.А. Лапшин // Археологические открытия 1996 г. — М., 1997. — С. 135.

63. *Лапшин В.А.* Раскопки в Тверском кремле /В.А. Лапшин, Т.А. Чукова, А.В. Курбатов, Н.Е. Персов, И.Н. Черных // Новые исследования археологов России и СНГ. Материалы пленума ИИМК РАН 28–30 апреля 1997 г. — СПб., 1997. — С. 46–48.